

Поскольку его точка зрения была изложена, Франц не стал настаивать на этом.

Капиталисты не были людьми, с которыми можно было играть, обладая властью, которую нельзя было игнорировать, даже если они не занимали значительного влияния в правительстве.

Для Франца было нормально сомневаться в социальной несправедливости; однако о серьезной борьбе с буржуазией в интересах рабочего класса не могло быть и речи.

Франц подумал, что было бы лучше позволить аристократическим консерваторам завершить эту великую и трудную задачу, и премьер-министр Меттерних был бы одним из них.

Возможно, однажды капиталисты потребуют расширения избирательных прав, введения конституционализма и освобождения крепостных, в то время как благородные лорды потребуют принятия законов о труде для защиты прав и интересов рабочего класса.

Однако это предположение могло бы произойти только тогда, когда эти две группы выкрикивали бы свои идеи вслух, и тогда австрийский народ, вероятно, все равно был бы ошеломлен.

В Австрии также было то, что аристократия, все еще придерживавшаяся феодализма, имела естественный конфликт интересов с капиталистами и поэтому не слилась с ними.

Если бы к началу 20 века дворяне и капиталисты образовали единую группу интересов, тогда действительно не было бы способа решить вопрос политическими средствами. Единственный вариант - это свергнуть и отстроить заново.

У Франца были планы, помимо создания неприятностей перед Меттернихом, поскольку он не ожидал, что сказанное им слишком впечатлит старого хитрого премьер-министра.

Он также не мог полагаться на их хорошие отношения, потому что дружбу в политике было легко отвергнуть.

Во время встречи Франц также получил квалификацию руководителя газеты. Газеты по-прежнему находились под контролем цензуры Австрийской империи.

До Венской революции в марте 1848 года во всей Австрии выходило 79 газет. 79 статей, а не прессы!

Учитывая, что пресса всегда выпускала более одной газеты, до революции количество типографий становилось только меньше.

По этим числам вы можете увидеть, насколько трудно было выпускать газету в то время.

Однако для Франца это не было большой проблемой, поскольку контроль над газетами был направлен на сдерживание распространения революционных идей. Другие могли оказаться в опасности поддержать Революционную партию, но не наследник престола, который, конечно, не мог произвести революцию сам.

Франц, как морально развитый человек, беспокоился о людях, поэтому его газета называлась «Мы хотим хлеба, мы хотим сыр».

Определение газеты было точно таким же, как и ее название, и в целях безопасности он решил

разместить редакцию газеты рядом с полицейским участком.

В те дни выпуск газеты могло быть довольно проблематичным: даже Францу, который мог пропустить самую громоздкую часть - процедуры, - приходилось изо всех сил стараться найти нужных сотрудников и место.

Самой важной частью были редакторы и репортеры: этим людям нужно было иметь рвение, чтобы противостоять этому жестокому обществу, но не быть слишком вспыльчивыми, чтобы помнить, кто их начальник.

Несчастному поэту страны, к счастью, был вынесен скорбный приговор.

Этот стих был вполне разумным. В середине 19 века в Австрии появилось большое количество литераторов, некоторые из которых настаивали на том, чтобы творчество было превыше всего, а другие развлекались политическими играми.

Тем не менее, общественное влияние пера было несравнимо с влиянием дворянства.

Например, венгерский политик Кошут, крупный деятель пропаганды, начал работать над венгерской революцией в 1847 году, а затем стал главой Венгерской Республики.

Но поскольку он был идеалистом с обычными недостатками литераторов, он часто строил нереалистичные планы, и таким образом его восстание подавлялось.

Франц не был Кошута, даже с его способностями к пропаганде, потому что он был ультранационалистом.

Они были естественными противоположностями, но если бы Франц захотел, было бы невозможно подкупить его. Однако Франца это не интересовало.

По его мнению, для сотрудника гораздо важнее лояльность, чем способности. Даже если это не так, по крайней мере, он должен избегать использования врага.

Поразмыслив, Франц перечислил несколько имен на листе бумаги, а затем сказал: «Рауль, пошли кого-нибудь, чтобы выяснить, что происходит с этими людьми, и если ничего необычного не обнаружится, отправь каждому из них письмо-приглашение от имени редакция газеты».

«Да, эрцгерцог!» Рауль ответил быстро.

В те дни было непросто набирать людей, потому что университет по-прежнему оставался башней из слоновой кости для обычных людей, где могли учиться дети мелкой буржуазии и знати.

Так называемые вдохновляющие истории были полны лжи, поскольку плата за обучение была слишком высокой, чтобы ее покрыла какая-либо программа работы-учебы для бедных семей.

Таким образом, положение интеллектуалов было не таким плохим, как думали люди, за исключением тех, чьи семьи снова погрузились в нищету.

Если вы хотите нанять газетный персонал, вам нужно будет повесить рекламный щит в оживленном месте, разместить рекламу в другой газете или получить представление от ваших знакомых.

Последнее - введение знакомых - определенно не сработало для Франца, поскольку ни один из его знакомых не был настолько низким по рангу, что они могли бы знать любого среднего рабочего. В конце концов, драконы не живут со змеями.

В конечном счете, однако, это не требовало особого беспокойства. По сравнению с другими отраслями, нанять обычных работников для работы в редакции газеты было не так уж сложно. На должности в офисе претендовало более чем достаточное количество людей, поскольку они по-прежнему оставались с сравнительно хорошей работой.

С другой стороны, для набора журналистов и редакторов потребуется гораздо больше времени, и на эти должности Франц приглашал только известных интеллектуалов.

Придут они или нет, не имело значения. По крайней мере, приглашения будут информировать их о том, что в Австрии издается новая газета, которая может стать дополнительным каналом для получения гонорара за публикацию их статей.

На протяжении всего процесса Франц никогда не показывался публично, хотя большинство сотрудников в конце концов узнало, что он был боссом за кулисами.

Если бы не цена, Франц был бы не против открыть сразу несколько десятков газет, чтобы из всех сил соревноваться за господство в рекламе.

Но, рассматривая вопрос об окупаемости инвестиций, Франц сразу и решительно отказался от этой идеи. Для Франца было достаточно при необходимости управлять одной газетой или определять тенденции.

Реформы в Австрии шли много лет, и премьер-министр Меттерних был представителем реформистов.

Его преследовали изнутри и снаружи: отечественная буржуазия была недовольна его реформой, которая не зашла достаточно далеко, чтобы полностью удовлетворить их интересы.

Между тем консерваторы-аристократы также были противны ему, потому что он поставил проблему для их интересов, отстаивая освобождение крепостных.

Даже сотрудники Венского суда недоброжелательно отнеслись к нему. Причина была проста: его лай был хуже, чем его укус.

В этот момент Франц, вероятно, был тем, кто понимал его лучше всего.

Чтобы понять картину: Австрийская империя была похожа на дом, изъеденный червями, и никто не знал, как сильно он развалится, если удалить какую-либо часть.

Таким образом, из-за осторожного и ответственного отношения реформа Меттерниха оказалась бессильной из-за страха спровоцировать полный крах.

Реформа, проводимая в условиях трусости или чрезмерных колебаний, была обречена на провал. Как реформа могла быть успешной без кровопролития?